

## ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В о п р о с № 8: «В чем заключается специфическое своеобразие соотношения и взаимодействия народнорусских и церковнославянских элементов в русском литературном языке XVI-XVII вв. сравнительно с белорусским и украинским литературными языками того же времени?»

В украинском литературном языке XVI-XVII вв., особенно после Люблинской унии 1569 г., существенное место занимают полонизмы – элемент, не игравший столь заметной роли в русском литературном языке. В некоторых произведениях этого времени полонизмы составляют 30-40 % языкового материала. Полонизмы признавались естественной частью украинского литературного языка. Например, проповедник второй пол. XVII в. А. Радивилковский, готовя к печати свои сочинения, вычеркивал некоторые украинские слова и вписывал вместо них польские.

В XVI-XVII вв. на Украине получил довольно широкое распространение так называемый «простой язык» – особая разновидность литературного языка, относительно свободная от церковнославянизмов, но содержащая значительные количества полонизмов. Показательны в этом отношении, например, «Апокрисис» Х. Филалета, произведения С. Зизания, проповеди Г. Галятовского и упомянутого А. Радивилковского. Резко изменился в это время и характер языка украинских деловых документов. Чисто восточнославянские, украинские по своему языку в XIV-XV вв., в XVI-XVII вв. они все более интенсивно насыщаются польскими словами и оборотами. Процессы эти были исторически обусловлены как естественными украинско- (равно и белорусско-) польскими контактами, так и, особенно, насильственной полонизацией, которую проводила польская шляхта на захваченных ею землях.

В течение XVI-XVII вв. в украинском литературном языке наблюдается широкое вторжение полонизмов, постепенно ослабляющее роль церковнославянской стихии. Можно думать, что распространение полонизмов было на Украине одним из основных факторов, ослабивших значение церковнославянизмов для литературного языка. Здесь следует различать фактическое состояние литературного языка и оценку этого состояния современниками. Выдающиеся полемисты И. Вишенский и З. Копыстенский создавали восторженные гимны церковнославянскому языку, однако сами в своих сочинениях нередко вместо церковнославянизмов употребляли полонизмы и латинизмы, пришедшие из Польши. Четкое вначале стилистическое различие церковнославянизмов и полонизмов во многих произведениях утрачивается. В литературном языке постепенно отпадает необходимость функционально дифференцировать иноязычные элементы соответственно их происхождению. В результате полонизмы стали выполнять в украинском литературном языке XVI-XVII вв. многие функции церковнославянизмов, уделом которых остались, в конце-концов, православная церковь и церковная торжественность. Исключения, подобные «Синопису» И. Гизеля (1674 г.), немногочисленны. В белорусском литературном языке этого времени происходили сходные процессы. В русском литературном языке XVI-XVII вв. указанный фактор отсутствовал, в связи с чем церковнославянизмы сохраняли там прежние прочные позиции.

Следует добавить, что полонизмы в украинском литературном языке не пустили прочных корней. Живому народному языку они всегда были чужды, о чем свидетельствуют песня о Штефане-воеводе, записанная до 1571 г. чехом Я. Благодиславом, и интермедии, написанные с умышленным копированием живой украинской речи поляком Я. Гаватовичем (1619 г.). В XVIII в., когда польское влияние ослабло, полонизмы выпали и из литературного языка. Однако перед этим они сыграли свою роль в устранении из литературного языка церковнославянизмов. Национальный украинский литературный язык, существующий со времени И. П. Котляревского, не включил в себя,

таким образом, в значительных дозах ни полонизмов, ни церковнославянизмов. Последним он отличается от русского литературного языка.

*Ю. А. Карпенко*  
(Черновцы)